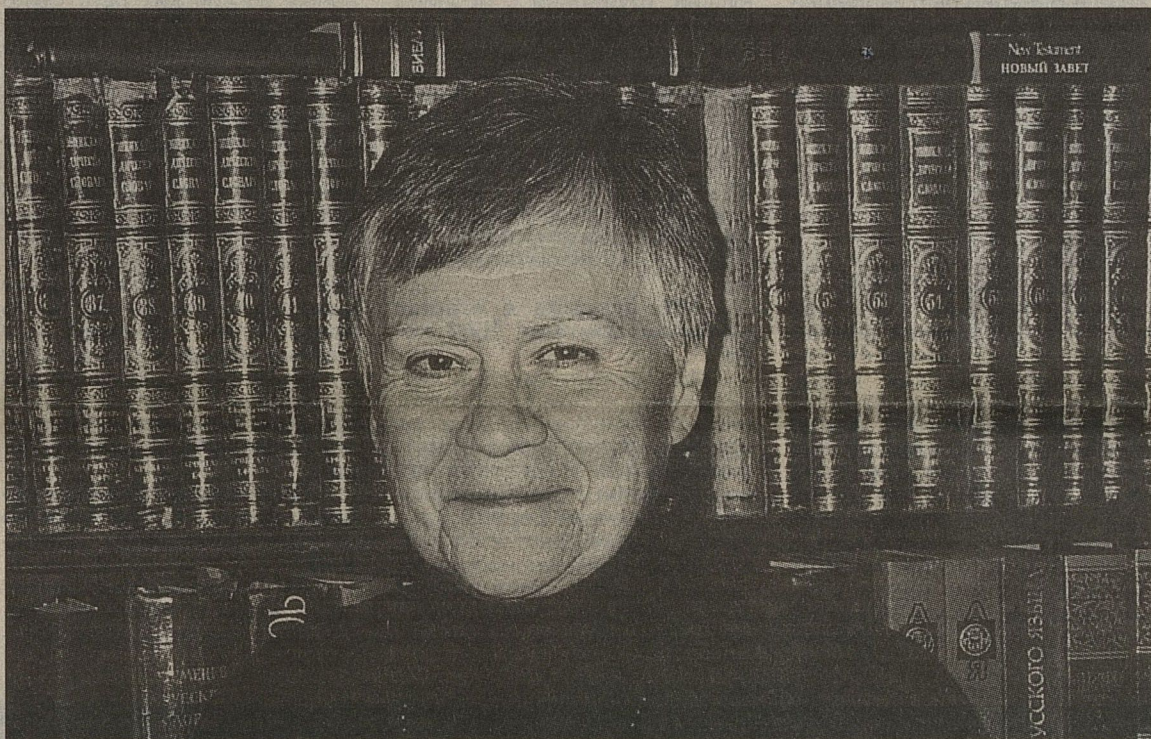

Ежи ЛУКОШ

Групповой портрет с Казановой

«Групповой портрет с Казановой» – третья пьеса Ежи Лукоша, публикуемая на страницах «ЭС». Две другие были посвящены Т. Манну и Г. Гауптману. В обеих речь шла о моральном авторитете художника, о раздвоении его личности и о влиянии этого раздвоения на систему духовных ценностей нации. Что происходит с гением, когда его превозносят до небес и творят из него кумира? В «Групповом портрете» проблема ставится шире: речь идет уже не о раздвоении, а о клонировании, не о плагиате, но о тиражировании. Как действует механизм трансляции культуры? Что происходит с шедевром, когда его бесконечно копируют и тиражируют? Что происходит с духовной ценностью, когда ее навязывают всем? Что происходит с истиной, когда она превращается в идеологическое или рекламное клише? Что происходит с талантом и интеллектом, поставленными на конвейер бизнеса? В какой момент и каким образом происходит его поломка? И кому предъявлять счет за понесенные потери?

Элла ВЕНГЕРОВА

нов висел портрет юного красавчика, с этикеткой «Ди Сенгал». Уже не висит. Что ж, повесим новый. Для тебя это раз плюнуть. Сможешь купить себе шубу. И подумай о своем долге. Государство оплатило твоё образование. А какая заслуга перед городом! Лучше тебя никто не справится! Ты ведь копируешь с репродукций не хуже, чем с оригиналов. Утри-ка нос этому вору. Выспишься после работы. А свои оригиналы закончишь после того, как заработаешь на жизнь. Мужик тебя бросил. Справляйся сама. Такие времена. Поэты разносят газеты. Музы-

канты играют под котлеты. У мужиков едет крыша, и они сбегают. Никто меня не жалеет. Разве что мои копии. Иной раз, во время приемки, в полном зале, при всем честном народе, скатится у них по лицу капля свежей краски. (Пауза.) А ты копируй, копируй! (Музыка в классическом стиле, «ломаная», темная.) Как видите, господа, в настоящий момент я тружусь над вот этими тремя физиономиями – Фридриха, Франсуа-Мари и Джованни-Джакомо. И да поможет мне святая Тереза с Младенцем. Этих деятелей повесят на месте похищенных ориги-

налов. В актовом зале, музее и клубе. И даже если в каком-нибудь багажнике на границе найдутся оригиналы, висеть останутся мои копии. Потому что они лучше смотрятся. Ну, судите сами, господа. Видите, как здорово я их состарила. Что-то, а наносить патину я умею. Знали бы вы, какие знаменитые оригиналы становятся моими копиями. Оригиналы-то давно проданы частным коллекционерам. Тут, за стенкой, проживает один такой. Мой бывший муж. А бываю оригиналы такие старые, что на них вообще ничего не видно, и их хранят в за-

пасниках, как священные реликвии. А вы приходите в музей и падаете ниц. Перед мастером итальянского Возрождения. Или голландским колористом. Перед высшими взлетами кисти. Моей кисти... Ха-ха-ха! Ох, боюсь, господа, что теперь вы несомненно выберетесь в музей. (Смотрит в глаза Фридриху на портрете.) Со святой Терезой у меня все прошло как по маслу. Но хуже нет, когда попадает такая противная рожа, как у этого красавчика. Ишь, парочек-то какой пижонистый. Говорят, он играл на флейте. А в перерывах вел войны. В перерыве между двумя сонатами захватил Силезию. Поубивает людей, вернется домой и снова дует в свою дудку. Все они как куколки на этих портретах. Даже странно, что нечто подобное когда-то дышало, ходило, ело. (Останавливается у портрета Вольтера.) И умудрился же Господь так перекопировать твою физиономию. Что-то мне не верится, что ты был великим философом. (Подходит к портрету Казановы.) А ты, говорят, был величайшим бугаем со времен Калигулы до этого, как его, Мао Цзедун. Но меня ты не тронешь, ведь я тебе рук не дорисовала. (Музыка стихает.) И подумать только, что какой-то вор за одну ночь вырезал из рам всех троих. Просвещенный грабитель. Потомок побежденных. На поле битвы. На ниве церкви. На ложе страсти. (Подходит к шезлонгу, снимает фартук, стирает с рук следы краски. Собирается спать сидя или полулежа.) Вздремну немного, а то я прямо с ног валюсь. А вы, господа, приглядите за моими мальчиками. Как бы их не увели. Нынче все крадут. Могут спереть и короля без короны. И философа с недоделанной головой. И даже совратителя без орудия производства. Это раньше воры были профессионалами, теперь нет. (Укрывается пледом.) Впрочем, пусть крадут. Да и меня впридачу. (Зевает.) Только бы не забрали мои оригиналы. (Засыпает.)

3. В мастерскую пробирается Вор, мужчина лет пятидесяти, в маске, теннисных туфлях, с мешком за спиной. Осторожно снимает мешок и ставит стоймя у стены.

Некоторое время, не двигаясь, глядит на шезлонг, где вроде бы спит Магистр искусств. Потом направляется к двери.

В проеме двери, откуда только что вошел Вор с мешком, и куда он сейчас, уже без мешка, пытается выйти, вырастает фигура Магистра. В руке у нее пистолет, она целится в Вора.

МАГИСТР: Попался? Что молчишь? Попался, негодяй! Я будто предчувствовала ограбление. Меня будто что-то толкнуло. Я за тобой следил. Святая Терезочка, только бы у меня рука не дрогнула. То-то ты целый вечер спонялся у дома. Ручки!

Вор медленно протягивает руки вперед, словно подставляя их под наручники.

МАГИСТР: На затылок ручки! Или нет. Руки вверх! Руки вверх! Стой, стрелять буду!

ВОР (перепуган, дрожит): Аааа...

МАГИСТР: Захлопни пасть! Имеешь право ничего не говорить. Все, что ты скажешь с этого момента, может быть использовано против тебя.

ВОР (робко): Аааа...

МАГИСТР: Да я тебя... Ах ты... Значит, вот как выглядят воры. Я еще никогда не видела живого вора, особенно в деле. Но представляла его себе в точности таким. Как ты. (Присматривается к нему.) А я тебя нигде раньше не видела?

(Садится в шезлонг, чтобы дотянуться до телефона. Но при этом продолжает держать Вора на мушке.) Сейчас позвоню в полицию. Не повезло тебе. Нет у меня ни Рафаэля, ни Ван-Гога. Мо-

жет, ты ошибся дверью? (В сторону.) Святая Терезочка, что я не-су? (Вору.) До чего же вы наивны. Думаете, я копирую с оригиналов? Да я только один-единственный раз копировала с оригинала, который твои поделнички не успели украсть. И пожаловали за добычей ко мне. А знаешь, что взяли? Мою копию. А оригинал оставили. Потому что копия была намного лучше.

ВОР: Аааа... Я не... Аааа...
МАГИСТР: Еще одно слово, и прибавишь в весе на несколько грамм свинца. Что ты "не"? Ты не явился сюда красть?

ВОР: Нет.
МАГИСТР: Ладно, ладно, ври да не завирайся. (Поднимает трубку, той же рукой набирает номер, другой продолжает целиться в Вору.) Ну еще бы. Ты вообще не собирався красть.

ВОР: Я, в общем-то, еще и принес.
МАГИСТР: Ты принес? (Набирает номер, говорит в трубку.) Алло, полиция?

ВОР: Принес, значит, картины, которые, значит, украл.
Магистр кладет трубку. Смотрит на Вору и на принесенный им мешок, стоящий у стены.

МАГИСТР: Как это, принес? Принес сюда оригиналы портретов?

ВОР: Которые, значит, украл.
МАГИСТР: Значит, это ты их свистнул? Ну-ну. Впрочем, вкус у тебя не слишком изысканный. А еще вор... Ручки!

ВОР: Аааа...
МАГИСТР: А как тебе пришлось в голову принести их ко мне? Ни с того, ни с сего. И почему сегодня ночью? Ты мог бы сделать это месяц или два назад. И я бы не корпела над какой-то дрянной гравюрой. Тебя что, скупщик послал куда подальше?

ВОР: Да нет, это я испугался.
МАГИСТР: Испугался! Скупщика?

ВОР: Я к нему, в общем, и не заходил.
МАГИСТР: Значит, ты испугался полиции?

ВОР: Да нет.
МАГИСТР: А кого же?

ВОР: Вот этих, этих. (Показывает кивком на мешок у стены.)

МАГИСТР: А! Испугался фарты? Хилый из тебя вор.

ВОР: У меня кошмары начались! Привидения меня душили! Чуть на задохся!

МАГИСТР: Ручки! Вот отстреляю тебе башку, и любой суд меня оправдает.

ВОР: Господи! (Плачет, в отчаянии падает на колени.)

МАГИСТР: Неужто в тебе совесть заговорила? Размяк, подонки? А сказано в Писании "Не укради!"? Забыл, разбойник?

ВОР: (плачет, стоя на коленях): Сказано.

МАГИСТР: А "Не пожелай добра ближнего своего!" — сказано?

ВОР: (перестает плакать): Какого ближнего?

МАГИСТР: Того самого, него-дяй.

ВОР: Но я же отдал.
МАГИСТР: Кому?

ВОР: Не знаю. (Продолжая плакать, встает с колен.)

МАГИСТР: Смурной ты какой-то. А еще вор. Почему ты не пошел в полицию?

ВОР: Потому что они мне велели идти к вам.

МАГИСТР: Кто велел?

ВОР: Они, они.
МАГИСТР: Кто — "они", черт тебя дер!

ВОР: Ну эти, с портретов.
МАГИСТР: (ошарашена): Аааа. С портретов. То есть нарисованные фигуры.

ВОР: (хнычет): Они мне все время мерещились. Чуть не задушили.

МАГИСТР: (сочувственно): Понимаю. Искусство на тебя подействовало.

ВОР: Господи, что они говорили! Как наседали! Перебивают друг друга, дают на психику, иди, говорят, к ней и отнеси нас.

Звук и свет.

МАГИСТР: Хватит заливать. Менты тебя вычислили, а ты срейфил и вешаешь мне лапшу. Хочешь взять на понт, чтобы я сама отнесла краденое в полицию? А тебя прикрыла? У тебя, видно, крыша поехала, если ты держишь меня за такую дуру. (Снова набирает номер.) Алло! Это местное отделение полиции?

ВОР: Мы, говорят, желаем остаться у нее навсегда. А наши, говорят, превосходные копии пусть вернутся туда, откуда ты нас взял.

Магистр снова кладет трубку. Внимательно смотрит на Вору.

МАГИСТР: Знаешь пословицу: "Молился дед Богородице, пока трахался с греховодницей"?

ВОР: (обиженно): Вы не очень-то! Какой я вам дед? Баба у меня — первый сорт! Так-то. И вообще я Богородице не молился. Хотя, может, и выразился, так сказать, в рабочем порядке. Пока их из рамоты вырежешь, мало что с языка сорвется.

МАГИСТР: И они, значит, с тобой заговорили?

ВОР: Орала они почему зря. Жуть как орала. Один уселся мне на грудь. И давай охаживать палкой. Другой шептал на ухо разные пакости. А третий (понижает голос) ухватил меня за пояс. Я вам правду говорю. И так каждую ночь. Один грозит шкуру спустить и на куски изрезать, другой богохульничает, а третий обещает бабу мою взбаламутить. Ей Богу, не вру. Иди, говорят, к ней и отнеси нас. Мы, говорят, желаем видеть, какие мы на самом деле были красавцы.

МАГИСТР: Спокойно. Все будет в порядке. Поглядим, что ты там принес.

Магистр и Вор подходят к стоящему у стены мешку, развешивают его, вынимают три свернутых в рулон полотна, разворачивают их.

МАГИСТР: Ну надо же. Какая оригинальная липа. Перспектива беспомощная. Светотень предрасфаэлевская. Еле в раму влезает. Где уж им из рамы выбраться.

ВОР: А как орала! Вот этот меня палкой обихаживал...

МАГИСТР: (снихождительно): Да это какое-то чудо. Похлеще, чем в Люблине. Там икона только запала. А в Олаве только заговорила. А эти, говоришь, вылезли из рамы. Да еще на тебя надели.

ВОР: Еще как надели. Этот вот меня палкой...

МАГИСТР: Я конечно в чудеса верю, ведь их сама папа признает. Если папа скажет, что святой сошел с иконы, — поверю. Если папа скажет, что кто-то на кого-то надел, — поверю. И в фатимские прощания поверю. И в ченстоховские исцеления. Но эти-то, эти... Они же Бога не боялись. Погибшие души, горят в аду. Те души, что в чистилище, еще иногда где-то слоняются, одного испугают, другого предостерегут. Всякому во сне бабка являлась. Или ни во сне, ни наяву, между явью и сном. В такой щели, которая уже не явь, но еще не сон. Что-то я недавно об этом читала. Но чтобы души из ада? Проклятые? Отверженные души? Такие не приходят. Никогда в жизни. Вот почему, мой милый, я тебе, вору, не верю.

ВОР: Но я вам правду говорю! Воровать-то я воровал, но отроду не врал.

МАГИСТР: Отроду не врал? А что ты детям говорил, когда с воровского дела домой возвращался? Как ты им объяснял, откуда гостинцы?

ВОР: Говорил, что со скока. Они думают, я парашютист.

МАГИСТР: А когда в анкетах свою профессию указываешь, тоже не врешь?

ВОР: Операции с движимым имуществом в неконвенциональном обращении.

МАГИСТР: Вот ты и попался на своих операциях! Сам себя засыпал, фраер! Бог тебя наказал.

ВОР: Достали они меня, ох, как достали! Каждую ночь являлись. Я в постель боялся ложиться. И

баба моя как с цепи сорвалась. Только они заткнутся, она возникает: возмись за ум! Подумай о детях! Берешь третий сорт! Сплавляешь за бесценок! Скупщик тебя за лоха держит! Когда ты в последний раз что-нибудь приличное детям украл? (Вытирает нос.) А тут еще вы фраером обзываете.

МАГИСТР: Твоя правда, ты не фраер. Ты сдвинутый фраер. У тебя глюки.

ВОР: Богом клянусь, они сами ко мне пришли. Вот эти трое, с картин, пришли ко мне, клянусь Богом. Могу вам рассказать, у кого какой голос.

МАГИСТР: Ну, и какой голос у Фридриха?

ВОР: Который из них Фридрих? (Рассматривает развернутое полотно.)

МАГИСТР: На копии он более выразительный. Ну, иди сюда. (Берет Вору за руку, подводит к копиям на мольбертах.) Вот этот.

ВОР: Господи, помилосердствуй! (Вырывается, удирает в угол мастерской.) Как живые.

МАГИСТР: И какие же у них были голоса?

ВОР: У первого такой. (Подражает.) Вот этот, второй, все шептал. (Подражает.) А третий вроде как мурлыкал. (Подражает.) Ох, как же он страшно мурлыкал.

МАГИСТР: А скажи мне, кто-нибудь еще с того света тебе являлся?

ВОР: А как же, являлись. Мать-покойница приходила. Отец-покойник приходил. Ей Богу. Мать у меня даже сумку забыла. Отец у меня папиросу загасил, в цветочном горшке. Могу показать. (Задумывается.) Как-то раз приходил Янек. Он пустые бутылки собирал, а потом повесился. Стихи мне читал.

МАГИСТР: А потом повесился?

ВОР: Нет! Сперва повесился.

МАГИСТР: Ну хорошо. А скажи мне, зачем ты крадешь? Нашел бы себе работу, стал бы человеком, как Бог велел. Все мы немного суеверны. Теперь вот посади тебя. Дети будут стыдиться. Баба на панель пойдет. И увидишь ты небо в клетку. Опомнись. Сходи в костел, исповедуйся. Спасай душу. Фарт подождет, а душа — нет. Никто не знает своего смертного часа. Крал-то по заказу? У вас банда? Мафия?

ВОР: Нет. Я частная фирма.

МАГИСТР: Ты принес картины, когда я спала. Поглядим на кресло. Сплю я в нем или не сплю.

ВОР: (хитро улыбается): Спи, как ангел.

МАГИСТР: Я тебя не заложу. У меня свои дела. При условии, что ты дашь мне свой адрес.

ВОР: Это был мой последний скачок. Клянусь. Улица Витольда семь. Только не закладывайте меня мусором.

МАГИСТР: Не заложу. А теперь уходи. Мне нужно заказ выполнять.

ВОР: Дай вам Бог здоровья!

МАГИСТР: Ну, смывайся, да побыстрей!

Вор низко кланяется и выходит. Магистр запирает на ключ дверь, прислоняется к ней спиной, глубоко вздыхает.

4.

Кабинет в стиле рококо. На стене картины малого формата, так что невозможно рассмотреть их сюжеты. За письменным столом сидит Коллекционер (мужчина лет шестидесяти). Пани Магистр стоит в пальто.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Ты обещала, что придешь только на мои похороны. Как видишь, я еще жив. Что тебя сюда привело?

МАГИСТР: Скоро праздники. Коллекционер закуливает сигару, приглядывается к госте так, будто она неодушевленный предмет.

МАГИСТР: Зима какая-то пасмурная. Вроде бы снег, а вроде бы дождь.

Коллекционер продолжает приглядываться, кладет ногу на ногу, смотрит на зажженный кончик сигары, потом снова на женщину.

МАГИСТР: Хотели сделать ремонт, но до зимы не успели. Теперь надо ждать до весны. Снова ждать.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Садись.

МАГИСТР: Я не соскучилась. Просто зашла поздравить с наступающим.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Чаю?

МАГИСТР: Столько работы. Ремонт затягивается. Вот я и заглянула. Малиновый сироп есть?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Увы, у меня только английский чай.

МАГИСТР: Ну да, если английский, то без сиропа. Зону. Совсем я охамела без тебя.

Магистр садится на стул, растегиивает пальто.

МАГИСТР: (осматривается): У тебя много новых картин. Везет тебе.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Не жалуюсь.

Магистр и Коллекционер некоторое время молчат (пауза может быть короткой или долгой). Сидят почти неподвижно.

МАГИСТР: Я уж и не припомню такой темной зимы.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Ты пришла поговорить о погоде?

МАГИСТР: (резко поднимается, делает несколько шагов): В общем-то я пришла поздравить с наступающим.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: А на самом деле?

МАГИСТР: На самом деле с наступающим. Желаю тебе всего наилучшего в Новом Году.

Коллекционер молчит, стряхивает пепел с сигары.

МАГИСТР: И успехов в делах.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: А в личной жизни? Не желаешь мне успехов? Только в делах?

МАГИСТР: Твоя личная жизнь меня не интересует.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Следовательно, тебя интересуют мои дела. То есть ты поздравляешь меня отнюдь не бескорыстно.

МАГИСТР: В конце концов, мы работаем в одной области. Можешь рассматривать мои поздравления как поощрения от коллеги. Может быть, и ты сподобишься меня поздравить.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Желаю тебе всего наилучшего в связи с Рождеством и успехов в личной жизни в Новом Году.

МАГИСТР: А как насчет моих дел?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Я полагаю, что твоя личная жизнь вызывает больше беспокойства, чем твои дела. Меня она всегда беспокоила. Пока чаша терпения не переполнилась. А своих дел с моими ты не сравнивай.

МАГИСТР: (встает): Почему же? Потому что ты такой великий собиратель? А я какая-то там пейзажисточка?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: (изменяет положение ног, потом снова принимает прежнюю позу): Ты ничуть не изменилась. Та же хандра. То же вульгарное нытье.

МАГИСТР: А не припомнит ли великий собиратель, какие я тебе писала подделки, когда ты раскручивал свою коллекцию? А чем бы ты торговал десять лет назад, не подбрось я тебе тогда несколько матиссов?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: О чем ты говоришь? Намекаешь, что в моем собрании имеются фальшивые полотна? Это возмутительно! Уверяю тебя, их не больше, чем положено по статистике. А против нее не могут найти средства самые суровые эксперты. В лучших галереях полно подделок. Если ты явилась, чтобы довести меня до белого каления, то добилась цели. Сволочная баба! Спасибо за новогодние поздравления.

МАГИСТР: Так или иначе, с тех пор, когда ты занялся только Просвещением, мы больше не сотрудничали.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: О каком сотрудничестве ты говоришь, дочь тьмы? Я имею дело с шедеврами, а ты штампуешь репродукции.

МАГИСТР: Я, по крайней мере, что-то делаю. А ты только имеешь дело.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Могу себе это позволить. Каждый художник мечтает стать коллекционером. А каждый копиист — художником. Я на вершине этой пирамиды грез.

МАГИСТР: А я малюю за художников и тех, которым не хочется малевать для коллекционеров. Как ты думаешь, в чем тут дело? Половина твоих картинок — подделки.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Успокойся. Ну, хорошо: в живописи ты — первоклассный мастер второго ряда. В каждом искусстве есть творческий элемент. Есть первоисточники, а есть таланты вторичные. И те, и другие нужны. Только не стоит их сравнивать. Есть пророки и есть жрецы. Иногда секретарь писателя после его смерти создает гениальные мемуары — шедевр, которого сам писатель никогда бы не сумел написать. Ты не считаешь, что беседы Эккертмана с Гете лучше пресловутого "Фауста"? В искусстве второй ряд необходим. Он создает спасительную дистанцию, а ее так не хватает тем, кто занимается первым ряд. Иногда второй ряд важнее первого. Ты слышала о великих адъютантах маленьких генералов? О вдохновенных шутах убогих королей? О гениальных ассистентах бездарных ученых? Но что подделаешь, если в счет идет только передний план! Вот почему я коллекционирую оригиналы.

МАГИСТР: Коллекционируешь. Для своих любовниц. Я-то знаю. Все вы одинаковы. Хотите вызывать восхищение. Вам подавай Мане, Тулуз-Лотрека и Гогена, а Подпердинский, Глиставек, Купка — для вас это неблаговременно. А ведь они художники Божьей милостью!

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Ты совсем спятила. И кроме того, говоришь кошмарным языком. Где ты подцепила такие дурные манеры? С кем яшлась все эти годы?

МАГИСТР: Со вторым рядом.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: И у тебя нет амбиций?

МАГИСТР: Каких именно?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Ну, благородных увлечений. Удовлетворять свою любознательность. Окружать себя интересными людьми. Пренебрегая иллюзорным вертикальным успехом, развиваться вширь.

МАГИСТР: Ты что, издеваешься? Лапшу вешаешь?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Какую лапшу? Никто над тобой не издевается. Я просто считаю, что твоя профессия способствует светским контактам. Деньги у тебя есть, ведь ты же хорошая копиистка. Я знаю, на чем ты ездишь. Я в курсе того, куда ходишь обедать...

МАГИСТР: И куда же?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: В один такой ресторан с продвинутыми ценами. Для нуворишей.

МАГИСТР: Сам ты нувориш.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: (вздыхает, гасит сигару, встает, прохаживается по кабинету): Сама же сказала, что пришла меня поздравить с наступающим. Это было так мило с твоей стороны. Впервые за несколько лет. Не скрою, ты застала меня врасплох. Потом разозлила. И в конце концов жутко расстроила. А теперь ты меня обижает.

Перевод
Эллы ВЕНГЕРОВОЙ

Продолжение следует.